

Екатерина Наместникова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ПОНТИЯ ПИЛАТА В ЦИКЛЕ АПОКРИФОВ К. ЧАПЕКА

Фигура префекта Иудеи Понтия Пилата по сей день притягивает внимание представителей различных областей гуманитарных наук: истории, теологии, религиоведения, культурологии и многих других. Исторические сведения о Пилате разнятся, религиозная концепция понимания образа трансформируется с течением времени, однако при этом он остается одним из наиболее известных библейских персонажей. Такое сочетание противоречивости и узнаваемости не могло не привлечь литераторов разных стран и эпох. К образу Пилата обращались А. Франс, Д. Лондон, Э. Ренан, Р. Грейвз, Э. Шмитт и др. Русскоговорящей читательской аудитории наиболее известна интерпретация, данная М. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». Однако мы бы хотели обратиться к другому представителю славянских земель – чешскому писателю Карелу Чапеку, предложившему свою трактовку личности Понтия Пилата на десять лет раньше русского классика.

Речь пойдет об избранных произведениях цикла «Книга апокрифов» (издан в 1938 г., в 1945 г. вышло расширенное издание, которое ныне считается каноническим), на наш взгляд, самого противоречивого, но в то же время наиболее насыщенного с точки зрения тематического разнообразия и художественных средств сборника малой прозы у К. Чапека. Несмотря на то, что исследователи творчества писателя большей частью обходят этот цикл своим вниманием, лишь упоминая или давая предельно краткий обзор в крупных монографических работах, его роль в творчестве К. Чапека весьма значительна. Здесь оттачиваются многие художественные приемы, делающие стиль чешского классика таким узнаваемым, разрабатываются сквозные для всего литературного наследия Чапека темы, а также раскрываются некоторые аспекты философского мировоззрения писателя, более подробно о которых он говорит в своих эссе. Примечательно, что во многом именно благодаря этому циклу для чешской и словацкой литературоведческой традиции характерно трактовать апокриф шире, чем только как жанр религиозной литературы. Примером этого может служить дефиниция из Энциклопедии литературных жанров («Encyklopedie literárních žánrů»), которой мы и будем пользоваться в данной работе: **апокриф** – в современной жанровой системе литературное произведение, основанное на демонстративно отличном, полемическом понимании общеизвестных тем, сюжетов, персонажей и текстов [3, 22].

В своих апокрифах Чапек обращается к мировой литературе, мифологии, истории и, разумеется, Библии, отдавая предпочтение новозаветным преданиям. Префект Иудеи появляется в трех апокрифах, написанных в разное время, но идущих в цикле друг за другом. Это

«Распятие» (1927), «Вечер Пилата» (1932) и «Кредо Пилата» (1920). Их анахроническое расположение можно объяснить во многом формальными причинами. В первом апокрифе роль Пилата незначительна: он лишь спрашивает у ученого мужа Наума о причинах, по которым народ распинает борющихся за него. Во втором префект выступает уже полноправным участником диалога, а в третьем и вовсе большая часть текста отведена его словам. Более того, такое расположение объективно с точки зрения хронотопа: действие первого апокрифа происходит во время казни, второго и третьего – вечером того же дня. Однако, на наш взгляд, исключительно формальных признаков недостаточно, чтобы композиция стала классической, и в качестве главного фактора нужно рассматривать развитие образа Понтия Пилата от произведения к произведению. В апокрифе «Распятие» это «спрашивающий» персонаж. Ему характерно сомнение, попытка узнать ответ на волнующие его вопросы, отсутствие ярко выраженной собственной позиции. В «Вечере Пилата» префект Иудеи предстает уже опытным человеком, политиком, отдающим отчет своим действиям. Его рассуждения практичны и продиктованы конкретными целями. Однако только в «Кредо Пилата» этот образ развивается до носителя конкретной идеи. Перед нами предстает Пилат-мыслитель, высказывающий на нескольких страницах небольшого произведения целую жизненную философию, совпадающую, что немаловажно, с мировоззрением Чапека тех лет. Именно в этом апокрифе писатель достигает максимальной глубины раскрытия образа, поэтому неудивительно, что «Кредо Пилата» стало одним из наиболее известных произведений цикла.

Однако, говоря о сборнике «Книга апокрифов», нужно отдавать себе отчет, что он создавался фрагментарно на протяжении всего творческого пути прозаика и драматурга. Рассматриваемые нами произведения разделяют пять-семь лет напряженного литературного труда, во время которых происходило становление Чапека как писателя и человека. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместно рассмотреть эволюцию образа Пилата не только с точки зрения композиции, но и с учетом хронологических рамок.

Первым был написан апокриф «Кредо Пилата», он относится к 1920-му году – самому началу творческого пути Чапека. Пилат здесь полон энергии и горячей веры в свою идею: *«Я верю, верю, я горячо верю, что истина есть, и человек познает ее», «...но ведь в этом – тоже вера, Иосиф Аримафейский, для этого тоже надо поддерживать в себе восторг и экстаз. Я – верю. Верю абсолютно без сомнений»* [1, 93]. Его колебания не связаны непосредственно с казнью Христа, его главный вопрос не касается собственных поступков, он затрагивает гораздо более общие категории: *«Что есть истина?»* Однако через семь лет, в апокрифе «Распятие», перед нами другой Пилат – осторожный, скупой на слова, сомневающийся. Он уже больше политик, чем философ, роль проповедника определенной идеи возлагается на Наума, в то время как префект Иудеи мыслит практическими категориями: *«Нация, Пилат, вещь великая и прекрасная». – «Во всяком случае – наша, римская»* [1, 87]. Он как будто сужает угол обзора, и в то

время, когда Наум говорит о всеобщем порядке вещей (так же, как и сам Пилат в апокрифе 1920-го года), префект видит перед собой конкретную страну и конкретный народ. В третьем по времени апокрифе, «Вечер Пилата», перед нами тот же практик, однако уже лишенный сомнений и колебаний. Он опытен, что подчеркивается знанием обычаев и традиций разных стран, однако при этом пресыщен властью и политикой. Он знает, как и почему поступает, но это не приносит ему удовлетворения. Пилат 1932-го года уже не ищет ответы на вопросы, он принимает решения исходя из наибольшей практической пользы: *«Не выдай я им его, они бы его наверняка растерзали, и римская администрация только осрамилась бы»* [1, 89]. Однако при этом он кажется старым и уставшим, что подчеркивает как последняя строка: *«Ах, Суза, какая это тщета – власть»*[1, 90], так и контраст с молодым энергичным офицером.

Рассмотрев различия в интерпретации, предложенной апокрифами разных лет, мы бы хотели обратиться к анализу целостного представления о Пилате в данном цикле. Характерным для К. Чапека приемом является вынесение героя за очерченный исходным произведением контекст, «додумывание» классической истории, однако в случае с Пилатом сюжет так или иначе связан с распятием Христа. Интересно, что, хотя у Чапека нет аллюзий на известный жест «умыть руки», префект Иудеи очень четко выражает мнение, что казнь была совершена не им, а народом Иерусалима. В тексте не раз подчеркивается противопоставление «я» – «вы»: *«ваш народ во что бы то ни стало хочет распять»*, *«вы распинаете всякого»*, *«здешние туземцы совершили то, что мы называем убийством, прикрытым судебным приговором; но это их дело»*. При этом такое дистанцирование не мешает Пилату давать негативную оценку происходящему: иудеи в его представлении – *«странный народ»*, *«болтуны и сутяжники»*, их поступок – *«беззаконие»*. Это не разнится с историческими сведениями об отношении префекта к области, в которой он вынужден был находиться. Известны факты прямой провокации Пилатом населения Иудеи путем нарочитого пренебрежения к их традициям и верованиям. Здесь можно вспомнить тайное внесение в город изображения кесарей на древках знамен (для иудеев изображение человека было недопустимо), строительство акведука на деньги, пожертвованные для строительства храма, жестокие подавления мятежей. Надо сказать, что в «Кредо Пилата» префект также готов к решительным действиям для установления своей правоты: *«Послать бы на них пяток солдат – живо бы присмирели»* [1, 91]. Однако в более позднем апокрифе «Вечер Пилата» мы видим явные расхождения с историей. Префект не раз подчеркивает важность политики невмешательства: *«Римская политика принципиально не вмешивается в местные дела, ...чем меньше люди имеют дела с государственной властью, тем легче они ее терпят»* [1, 89]. Объясняется это тем, что в данном произведении автор делает упор на сатирическое изображение политической деятельности, а именно: безынициативность, пассивность и следование не убеждениям, а представлением о мифическом спокойствии государства, – что Чапек всегда

осуждал (ср. апокриф «Император Диоклетиан»). Однако при этом Пилат формирует определенную философию государственного деятеля, которая, впрочем, не оправдывается («власть – тщета»).

Если говорить о Пилате-философе, нужно обратиться в первую очередь к апокрифу «Кредо Пилата». В нем префект своеобразно мотивирует необходимость приговора: «...*Вот когда я беседовал с ним, увидел – недалеко то время, когда его ученики будут распинать других: во имя его, во имя его истины ...убивать **другие истины** и поднимать на плечи других Варавв*» [1, 91]. Так впервые вводится понятие «*другая истина*», противопоставленное заблуждению. Устами Пилата автор сравнивает веру разных людей с обыденными вещами: стулом, странами, предметами с высоты, пытаясь доказать, что нет абсолютно правильного мнения, нет одной правды – есть лишь множество взглядов на нее. Пилат отрицает восприятие истины как повеления, обязательного для выполнения, на чем настаивает Иосиф Аримафейский. Истина представляет собой не приказ, а личностное переживание, субъективное для отдельно взятого человека. Личностное для Пилата значимее абстрактного: «*В людях больше истины, чем в словах*» [1, 93]. Однако вводя понятие «*многих истин*», Пилат осознает хрупкость созданной им хаотичной картины мира и для её упорядочения вводит метафору горизонта: «*Взойди на очень высокую гору – с вершины ее увидишь, как сливаются предметы, как бы уравниваясь в единую плоскость. Так и истины сливаются, если смотреть на них с некоей высоты*» [1, 93]. При этом Пилат предлагает программу жизни человека в мире «многих истин»: «*Возлюбить этот широкий образ и при этом возделывать свою маленькую ниву*» [1, 93]. Это принятие «*широкого образа*» необходимо потому, что, по мнению Пилата, полностью правдивая картина может сложиться только тогда, когда все носители личных истин смогут объединиться, а главное, быть понятыми друг другом. И так мы приходим к пониманию того, что Понтий Пилат, человек, отправивший на смерть Спасителя, в интерпретации К. Чапека становится человеколюбивым философом. Слова эпитафии «Я никакой вины не нахожу в Нем», относятся не только к Христу, но и к Пилату, которого автор полностью оправдывает. В то же время и в тридцатых годах XX века, когда сам К. Чапек отошел от проповедования идеи многих истин, его Пилат по-прежнему считает человека высшей ценностью. Но если в «Кредо Пилата» важен был любой индивид с его мыслями и переживаниями, то в «Вечере Пилата» главным становится человек-личность, способный отстаивать свое мнение и предпринимать решительные шаги. Способность подвигнуть на это, «*воскресить живых*», Пилат считает более существенной, чем умение воскрешать мертвых.

Часто вечный образ в литературном произведении функционирует не более чем эмблема некой идеи, проводимой автором, сам персонаж не всегда раскрывается в тексте полностью, поскольку подразумевается обязательная опора на исходный контекст. Однако Пилат в апокрифах К. Чапека стал живым полноценным персонажем со своими взглядами на мир и особой философией. Он перестал просто символизировать событие, и, несмотря на

то, что интерпретация образа в некоторых аспектах парадоксальна, он максимально проработанный в рамках заданного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чапек, К.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7 / К. Чапек – М.: Художественная литература, 1977.
2. *Harkins, W. E.* Karel Čapek / W. E. Harkins. – New York: Columbia University Press, 1962.
3. *Мочná, D.* Encyklopedie literárních žánrů / D. Mochná, J. Peterka. – Praha, Litomyšl: Paseka, 2004.